

УДК: 81'255.4:82-7

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364

ПЕРЕВОД ОТРЫВКОВ ТЕКСТА С ЮМОРИСТИЧЕСКИМ ЭФФЕКТОМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е.С. Абаева

Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Россия, 129226

В данной статье представлена гипотеза о необходимости смены общей системы при проведении сопоставительного анализа отрывков текста с юмористическим эффектом оригинала и перевода. Хорошо зарекомендовавшая себя система переводческих методов и приемов, опирающаяся на уровневую модель системы языка, не всегда дает положительный результат при анализе межязыковой передачи юмористического эффекта.

В качестве опоры предлагается использовать общую теорию вербального юмора С. Аттардо, сконструированную на основе семантической теории юмора В. Раскина, основным компонентом которой являются сосуществующие в контексте и сталкивающиеся скрипты. Автор, рассматривая в качестве материала одно произведение на английском языке и два его перевода на русский, демонстрирует способы применения системы для выявления общего и различного как в плоскости «текст оригинала / текст перевода», так и в плоскости «текст перевода 1 / текст перевода 2».

Автор считает, что, видоизменив угол зрения, под которым проходит сопоставление, посредством внедрения новой системы можно более детально описать действия переводчика, а также обосновать его вероятную стратегию, объяснить вариативность использования лингвистических средств. Помимо этого, при использовании нового подхода есть возможность дать более объективную трактовку возможных переводческих неудач, а также, при необходимости, провести сопоставительную оценку переводов одного текста. Наблюдения и выводы, представленные в качестве результатов в работе, могут оказаться полезны как в целом для развития теории перевода юмора, так и для практической деятельности переводчиков художественной литературы в частности.

Ключевые слова: перевод, юмористический эффект, сопоставительный анализ, художественная литература, системность, Аттардо, общая теория вербального юмора, оценка перевода

Для теории перевода исследования сопоставительного характера с привлечением текста оригинала и текста перевода, в принципе, имеют большую ценность, как с теоретической, так и с практической стороны. «Любые теоретические концепции должны опираться на описание наблюдаемых фактов реального процесса перевода, обобщать и объяснять эти факты» [1; 112]. Подобные исследования позволяют глубже проникнуть в «механику» переводческой деятельности, проанализировать выбранную тем или иным переводчиком стратегию, оценить качество перевода и многое другое. Помимо этого, как отмечают Michael Hone и Diane Houghton [2; 49], отношения между сопоставительным анализом и переводом имеют двусторонний характер, поскольку как перевод отрывков текста

может предоставить информацию для анализа, так и анализ может объяснить ряд трудностей, возникающих в процессе перевода. Но, как мы понимаем, сопоставление априори опирается на системность. Так, еще Реформатский в третьем Тезисе, изложенном в главе «О сопоставительном методе» говорил, что «сопоставление не может опираться на единичные, разрозненные „различия“ диспаратных фактов, а должно исходить из системных противопоставлений категорий и рядов своего и чужого» [3; 43].

Интерес к переводу юмора возник не сегодня. Существует некоторое количество исследований, посвященных данной тематике [4—6 и др.], в том числе и в нашей стране (Гарамян А.В., 2004; Капкова С.Ю., 2005; Баландина М.Р., 2006; Столярова И.А., 2009, Мирошник Е.К., 2013 и др.). Следует указать, что подобного рода работы, естественным образом опираясь на метод сопоставительного анализа, делают упор на лингвистический аспект проблематики, анализируя методы и приемы создания комического и способы его передачи. При этом мы понимаем, что описания применяемых переводческих трансформаций не совсем достаточно для выстраивания целостной системы, поскольку «любая наука на достаточно высоком уровне развития не просто констатирует факты, а выявляет законы, имеющие универсальный характер» [7; 184].

Актуальность данного исследования исходит из необходимости рассматривать целостную систему параметров, которые затрагивают абсолютно разные уровни — от когнитивного и языкового до прагматического [8], — которые позволяли бы вывести подобные сопоставления на несколько иной уровень как по качеству и глубине проводимого анализа, так и по объективности получаемых в результате наблюдений и выводов. Тем более что как наука переводоведение активно и, что более значимо, эффективно использует «понятия, методы и данные многих лингвистических дисциплин» [1; 44], и более того, не ограничивается областью только лингвистического знания, так как в противном случае отсутствовала бы достаточная объяснительная сила [9; 31].

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

В данном исследовании мы опираемся на Общую теорию вербального юмора (General Theory of Verbal Humour), изложенную Сальваторе Аттардо в том числе в труде под названием «Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis» [10—12], предпосылкой к созданию которой послужила семантическая теория Виктора Раскина [13]. Мы рассматриваем основные параметры данной теории в качестве своеобразного системного аппарата, который позволяет выявить и проанализировать сходства и различия как в системе «текст оригинала / текст перевода», так и в системе «текст перевода 1 / текст перевода 2».

Основным критерием для существования юмористического эффекта в тексте является наличие двух сосуществующих скриптов, которые в определенном месте сталкиваются: «The two scripts with which the text is compatible *are opposite* (...). The two scripts with which some text is compatible are said to overlap fully or in part in this text» [13; 99].

Термин «скрипт» его автор, В. Раскин, использует как неполный синоним термину «фрейм», введенный в лингвистический обиход еще Марвином Минским [14]. В результате столкновения скриптов создается по сути антонимическая пара, которая может быть описана в терминологии ‘real/ unreal’. Причем автор указывает, что существенными оказываются и оппозиции, которые имеют важное значение для человека: правда/ложь, добро/зло, жизнь/смерть и так далее [13; 113—114].

Помимо этого, значимыми компонентами общей теории являются: нарративная стратегия, которую можно описать как способ, форму или тип повествования; логический механизм — способ переключения двух скриптов в рамках отрывка; язык; ситуация и объект [11]. Юмор в данном случае используется как зонтичный термин, объединяя все то, что мы понимаем под смежными терминами, включая комическое и смешное, тем более, что в отсутствии терминологического единства «one man’s ‘humour’ may be another man’s ‘laughter’» [13; 8].

Как мы уже упоминали выше, в исследованиях сопоставительного характера в основном анализировалась сторона языковая. Авторы в попытке ответить на вопрос, какие средства языка позволяют реализовать юмористический эффект, приходят к логичному ответу: все или, по крайней мере, многие. Для практической деятельности переводчика такой ракурс не является рабочим, поскольку не решает вопрос методологии — как переводить. Более того, нельзя утверждать, что, пытаясь перевести метафору метафорой, переводчик передаст юмористический эффект. Практически любая языковая единица, любой стилистический прием может как быть средством реализации юмористического эффекта, так и нет. Так, например, олицетворение может провоцировать юмористический эффект, а может быть просто средством создания образности.

Получается, что выстроенная иерархическая системность на уровне языка (например, уровневая модель языка), как и существующие классификации стилистических средств или литературоведческих приемов, не позволяют решить главный вопрос, на который долгое время пытаются ответить разные отрасли науки: почему может быть смешно. Соответственно, использование только данных систем не валидно и должно быть дополнено чем-то в соответствии с главной целью того же самого перевода (как процесса) — создать произведение на языке перевода, способное иметь такой же эффект на носителя языка перевода, как и оригинал на носителя языка оригинала, с главной целью перевода (как результата) — «служить полноправной коммуникативной заменой оригинала» [1; 58], выполнять ту же функцию [15].

Понятно, что эта задача довольно условна и поднимает целый ряд дополнительных вопросов. Но изменение самого ракурса, внесение дополнительных элементов в уже существующую систему, по которой строится и анализируется текст (но мы здесь говорим исключительно об отрывках текста с юмористическим эффектом) естественным образом будет влиять и на дальнейшую работу по проведению сопоставительного анализа.

ЦЕЛЬ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом послужил текст произведения Дугласа Адамса «Dirk Gently's Holistic Detective Agency»¹ и два перевода данного текста на русский язык, один из которых был выполнен в 1996 году (Т. Шинкаревой)², а второй — в 2014 году (О. Корчевской)³.

Цель исследования заключалась в попытке применения новой объяснительной парадигмы, основанной на общей теории вербального юмора, для проведения сопоставительного анализа в двух системах «текст оригинала / текст перевода» и «текст перевода 1 / текст перевода 2».

Новый подход — системный, и несмотря на то, что его разработка находится только в стадии становления, и единицы, входящие в каждый параметр, описаны пока недостаточно, на что указывает в своих работах и сам автор теории [11], на наш взгляд, его можно вполне полноценно использовать для решения ряда вопросов. На первый взгляд, в переводах, выполненных двумя разными переводчиками, будет выявлено большое количество различий, в том числе психолингвистической природы: «different people can translate the same text in different ways» [16; 104—105]. И мы не отрицаем тот факт, что два переводчика создадут два разных текста, более того, даже на этом настаиваем, поскольку «за каждой интерпретацией оригинала стоит индивидуальность переводчика, его талант, его вкус, его литературный опыт и интуиция, его критическое чутье и многое другое, из чего складывается индивидуальность любого Художника» [17; 28]. Но, сравнивая параметры создания юмористического эффекта, можно увидеть и общее, некое тождество, так как тексты двух переводов представлены все-таки в одной системе языка и культуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрим каждый из представленных ранее параметров в контексте сопоставления отрывка оригинала и двух переводов, что соответствует плоскости «текст оригинала» — «текст перевода». Естественно, самым основным все равно будет оставаться уровень языковой. На это есть ряд объективных причин, одна из основных — это тот факт, что языковая сторона будет затрагиваться естественным образом при изменении любого другого параметра, поскольку никак иначе, кроме как через язык, мы подобное изменение зафиксировать не в состоянии: «Связь языковых значений и смыслов с концептуальной системой конкретного человека, автора языкового выражения, имеет несомненно причинный характер и определяет их содержание, поскольку языковое сознание не является отдельным, независимым модулем. Оно интегрировано в когнитивную систему человека и сопровождает разные виды его взаимодействия с миром, разные виды его деятельности» [18; 11].

¹ Adams, D. Dirk Gently's Holistic Detective Agency. NY.: Pocket Books (ebook), 2014. 290 p.

² Адамс, Д. Детективное агентство Дирка Джентли / Детективное агентство Дирка Джентли. Долгое чаепитие. М.: ТКО АСТ, 1996. С. 5—294.

³ Адамс, Д. Детективное агентство Дирка Джентли / Детективное агентство Дирка Джентли: [сборник]. М.: АСТ, 2014. С. 5—250.

Языковые изменения, как наиболее частотные, тоже укладываются в систему. Так, например, иногда изменения происходят исключительно из-за асимметрии языков (лексической, грамматической и т.д.). И тут вариативность у переводчиков будет наблюдаться примерно в одном ключе.

Приведем отрывок, в котором существо из иного мира убило человека, не осознавая, что тем самым нанесло непоправимый вред. Первый скрипт, который разворачивается, подкрепляясь общими знаниями о природе человека, можно условно обозначить, как [со смертью человека заканчивается его существование]. Информация, необходимая для декодирования этого смысла и распознавания юмористического эффекта, заложенного впоследствии, здесь скорее лежит за пределами текста, то есть необходимы данные экстралингвистической природы, которые как раз и хранятся в сознании носителя языка.

Второй скрипт, хотя и имплицитно, представлен уже в самом тексте оригинала в следующем предложении:

The Monk worried that he might have badly spoiled his evening.

Его можно представить, как [со смертью человека его существование продолжается], что в целом укладывается в представленную В. Раскиным оппозицию [реальная]/[нереальная]. Оба переводчика изменили только языковой параметр, подстраиваясь под нормы и правила языка перевода, что позволило в первом случае получить следующее:

Монах сокрушался, что наверняка испортил бедняге вечер.

А втором случае:

Монаха беспокоило, что он испортил человеку вечер.

Как мы видим, грамматическая конструкция претерпевает изменения, необходимые при асимметрии языков, переводчики используют глаголы «сокрушаться (сожалеть о чем-либо, огорчаться) / «беспокоиться» (волноваться, тревожиться), которые хотя и не являются синонимичными, в полной мере описывают душевное волнение персонажа, доставляющее неудобство, дискомфорт. Для выражения «spoil his evening», как мы видим, оба переводчика подбирают единый эквивалент «испортить вечер». В обоих переводах произведена лексическая замена местоимения «his»: в первом переводе на лексему «бедняга», а во втором на «человек». Это обусловлено, хотя, конечно, несколько утрировано, лингвистикой текста (связностью, цельностью), а также необходимыми, по мнению переводчиков, дополнительными оттенками смысла. Лексема «наверняка» в первом переводе необходима для внесения неуверенности («might» в оригинале), а во втором случае этот оттенок опускается. Но стоит заметить, что подобные трансформации и преобразования не связаны непосредственно с передачей юмористического эффекта, который в целом сохранен в обоих вариантах именно потому, что сохраняется оппозиция скриптов.

Совсем другое, когда наблюдаются различия в разворачивающихся скриптах. В таком случае простая лексическая или грамматическая замена не даст нужного

юмористического эффекта и приходится задействовать данные когнитивистики. Рассмотрим следующий, довольно интересный, на наш взгляд, пример.

*“Ah, is it,” murmured Reg, “is it?” and turned back to Richard. “It’s the Coleridge Dinner,” he said knowledgeably. “Coleridge was a member of the college, you know,” he added after a moment. “Coleridge. Samuel Taylor. Poet. I expect you’ve heard of him. **This is his Dinner.** Well, not literally, of course. **It would be cold by now.**” Silence. “Here, have some salt.”*

Суть юмористического эффекта заключается в том, что сталкиваются следующие фрагменты действительности [живой поэт]/[умерший поэт]. Происходит обед в честь Кольриджа, и герой, указывая на этот факт, считает нужным иронически подчеркнуть, что это обед не в честь живого поэта, а в честь уже умершего.

Фраза «This is his Dinner», которая означает «это его званый обед», может получить двойную трактовку: и как «обед, организованный самим человеком», и как «обед в честь человека». Объясняющая реплика «not literally, of course» поддерживает оба скрипта, в ней явно присутствует намек, что герой понимает, какой второй смысл заложен потенциально в первой реплике. А фраза «It would be cold by now» является триггером, запускающим столкновение скриптов: если бы обед был организован самим Кольриджем, то он (обед) бы успел остыть.

Как мы продемонстрируем примерами ниже, перед переводчиком встает очень непростой выбор, который не ограничивается поиском лексического варианта или грамматической замены. Вариативность в случае перевода отрывков текста с юмористическим эффектом чрезвычайно широка, здесь стоит вспомнить высказывание Моны Бейкер (Mona Beiker), о том, что в случае наличия юмористического эффекта, позволительно принимать странные лингвистические решения: «we are normally prepared to accept a great deal of unusual and even bizarre linguistic behaviour provided it can be justified, for instance on the basis of poetic creativity or humour» [19; 260]. К тому же порой сложно понять, как принял переводчик окончательное решение, учитывая, что трансформаций применялось бесчисленное множество. «Ощущение, что решение нравится настолько, что можно двигаться дальше, очень трудно подвергнуть логическому анализу» [20; 257—258].

Рассмотрим первый перевод анализируемого отрывка.

*— А, вот оно что, — пробормотал профессор. — Конечно, конечно! — Он повернулся к Ричарду. — Ежегодные Кольриджские чтения, — глубокомысленно закивал он головой. — Ведь он выпускник нашего колледжа, понимаете, — добавил он после недолгой паузы. — Сэмюэль Тейлор Кольридж. Надеюсь, вы слышали о нем. **Это обед в его честь.** Конечно, не в буквальном смысле. **Сейчас это несколько поздно.***

Как мы видим, в отсутствии полноценного эквивалента для первой фразы первый переводчик делает выбор в пользу следующей языковой реализации одного из скриптов: обед в его честь. Логически можно развернуть следующее:

♦ если обед дается в честь кого-то, то, как правило, это человек известный (здесь скрипт сосуществует со скриптом [Кольридж] в части «известный поэт»)

◆ и при этом он должен присутствовать на торжестве (здесь скрипт вступает в оппозицию со скриптом [Кольридж], поскольку он присутствовать не сможет).

Скрипт [Кольридж] поддерживается как экстралингвистическими знаниями, так и второй репликой «Сейчас это несколько поздновато».

Во втором переводе мы наблюдаем похожую ситуацию.

— Ах вот оно что, — пробормотал профессор и посмотрел на Ричарда. — Обед в честь Кольриджа, — сказал он со знающим видом и через мгновение добавил: — Кольридж. Сэмюэль Тейлор. Поэт. Он здесь учился. Думаю, вы о нем слышали. И теперь мы гости за его столом. Ну, не в буквальном смысле, разумеется. Еда б давно уже остыла.

В данном случае переводчик несколько разворачивает ракурс: это его званый обед, значит он — хозяин, а мы гости за его столом. По понятным причинам (возможность двойной интерпретации) остается реплика «и теперь мы гости за его столом»: за его столом — значит, поэт жив / поэт мертв — еда б давно остыла.

Как мы видим, анализ переводческой механики в данном случае легче производить с учетом предложенных параметров (в данном случае разворачивания и сталкивания скриптов).

В данном случае необходимая система, или подсистема, принадлежит сфере когнитивистики, где «на первое место выходит образ, возникающий в системе знаний, а не в области семантических представлений, вследствие чего единицами когнитивного уровня становятся различные способы образного восприятия человеком окружающего мира, как зафиксированные, так и не зафиксированные в языке» [21; 142].

Рассматривая исключительно закономерности языкового плана, достаточно сложно формально описать, как из фразы «This is his Dinner» получился перевод «И теперь мы гости за его столом», а из фразы «It would be cold by now» — «Сейчас это несколько поздновато».

Выбор лингвистических средств становится очевидным, если учитывать необходимость столкновения скриптов, а также несколько иную от общепринятых точку зрения на единицу перевода, когда «наиболее приемлемым претендентом на единицу перевода при работе с юмористическим эффектом является отрывок с юмористическим эффектом, в котором есть в наличии необходимый контекст, включающий в себя сосуществующие и затем сталкивающиеся скрипты и непосредственно триггер» [22; 8].

Рассматривая иные параметры, отмечаем, что в художественном тексте переводчик практически ничего не может сделать, например, с таким параметром, как ситуация, так как не должен ни в коей мере изменять сюжетную линию. Данный параметр затрагивает скорее область предпереводческого анализа, для уяснения полноценного наполнения скриптов. Получается, этот параметр оказывается менее релевантным, в плане изменений, для описания действий переводчика художественной литературы. Зато для устного переводчика, в условиях, например, переговоров, может оказаться вполне значимым.

В рассматриваемых текстах мы наблюдали смену нарративной стратегии.

Так, например, в следующем отрывке автор описывает то, что специально созданные гуманоиды не должны были, по замыслу их создателей, походить на обычных людей, так как считались бытовыми электроприборами.

There must be no danger of their looking at all like real people. You wouldn't want your video recorder lounging around on the sofa all day while it was watching TV. You wouldn't want it picking its nose, drinking beer and sending out for pizzas.

В первом переводе мы наблюдаем сохранение нарративной стратегии. Хотя добавление «как его хозяин» вполне укладывается в картину почему, т.к. нужно поддерживать скрипт.

Вряд ли кому понравится, если видеомонитор поведет себя, как его хозяин: будет валяться на диване перед телевизором, ковырять в носу, пить пиво и посылать домашних за пиццей.

Во втором переводе мы как раз наблюдаем смену стратегии, обращение к читателю, что, на наш взгляд, позволило более ярко передать юмористический эффект.

Представьте: видеомонитор валяется на диване перед телевизором, ковыряет в носу, пьет пиво и посылает хозяев за пиццей. Только этого не хватало!

Предлагаемая система в состоянии послужить основой для оценки качества перевода. В случае, когда все соответствует нормам и правилам языка перевода, общий смысл сохранен, и, возможно, даже присутствует юмористический эффект. В случаях, когда на первый взгляд не совсем понятно, чем отличается один вариант от другого, кроме как выбором средств и, субъективно, наличием таланта, что соответствует плоскости «текст перевода 1» / «текст перевода 2».

В следующем отрывке автор описывает состояние лошади, используя при этом образы, характерные для человеческого существа (антропоморфизм).

Hence the immobility of the Monk and the boredom of the horse, which had had to put up with a lot of silly things in its time but was secretly of the opinion that this was one of the silliest.

И как мы видим, в первом варианте подобное противопоставление присутствует, и юмористический эффект в принципе реализуется.

Вот почему Монах застыл в раздумье на краю выступа, а у его лошади был такой унылый вид. Привыкнув ко многому, она, однако, сразу поняла, что из всех нелепых ситуаций, в которые они с Монахом до сих пор попадали, это была, пожалуй, самой нелепой.

Но во втором варианте переводчик, уловив суть оппозиции, не просто передал, а поддержал ее нужным выбором языковых средств.

Поэтому монах застыл на месте, а лошадь обуюла тоска: с какими только глупостями ей не приходилось мириться, но сегодняшня, по ее мнению, затмила все предыдущие.

В первом случае переводчик выбрал недостаточно яркие для поддержки оппозиции [одушевленное/неодушевленное] лексемы, поскольку выражение «иметь вид» может использоваться даже с неодушевленными объектами (ср. например: у сада ухоженный вид), а глаголы «привыкнуть» и «понять» используются в литературе с наименованиями животных довольно часто (ср. например: собака поняла, что ее оставили). Мы знаем, что очеловечивание животных — частотный прием в речи, и поэтому, чтобы сделать необходимое столкновение более очевидным, при выборе средств переводчик должен исходить из наименее часто используемых для животного характеристик человека [23]. Во втором случае, на наш взгляд, поддержка скрипта более очевидна: лошадь «обуяла тоска», ей «приходится мириться», и у нее есть «ее мнение».

Помимо этого, можно делать выводы о переводческих неудачах как о неотъемлемой стороне оценки качества перевода. Иногда то, что мы можем субъективно посчитать за ошибку, может быть целенаправленно выбранной стратегией переводчика в условиях данного текста, но предлагаемый подход позволяет, на наш взгляд, несколько отойти от субъективности. В следующем отрывке два героя обсуждают работу одного из них, связанную с компьютерными технологиями, что первый считает не вполне приличным, поскольку разговор идет за обедом в честь великого поэта и, видимо, предполагаются более возвышенные беседы.

“Well,” said Reg, in a loudly confidential whisper, as if introducing the subject of nipple-piercing in a nunnery, “I hear you’ve suddenly done very well for yourself, at last, hmmm?”

Как мы видим, сосуществование скриптов можно описать, как [в приличном месте неподобающие вещи, если и говорят, то шепотом], а столкновение реализуется в развитии идеи, что именно подразумевается под «неподобающими вещами»: [программирование]/[пирсинг у монашек].

Рассмотрим первый перевод.

— Что ж, — доверительно промолвил профессор громким шепотом, словно сообщал бестолковым монахиням, как следует прокалывать дырочку в детской резиновой соске, — я слышал, вы преуспеваете, гм?

В первом случае юмористический эффект не реализуется, поскольку не создается столкновения скриптов в сознании русскоговорящего человека. Остается не совсем ясным, во-первых, зачем монахиням нужно прокалывать детские соски, а во-вторых, почему об этом нужно сообщать шепотом. Возможно, переводчик посчитал, что монахини, прокалывающие детские соски, достаточно неподобающая вещь и, соответственно, реализуется юмористический эффект, возможно, сыграла своего рода самоцензура, или же цензура, а возможно, мы наблюдаем переводческую неудачу.

Теперь рассмотрим второй вариант перевода этого же отрывка, в котором, на наш взгляд, выстраивается необходимое для реализации юмористического эффекта столкновение скриптов.

— Итак, — заговорщицки произнес профессор, словно собирался объяснить монахиням, как прокалывают соски, — я слышал вы наконец добились больших успехов. Это правда?

Помимо этого, предложенная система позволяет обоснованно оценивать последствия допущенных недочетов.

В следующем примере два скрипта сосуществуют, как следующее знание — [если что-то беспокоит в жизни, это можно удалить], а сталкиваются в контексте, который провоцирует триггер «ампутация».

“Indeed, Bill, it is. You find me thriving. And Mrs Roberts? How is she? Foot still troubling her?”

“Not since she had it off, thanks for asking, sir. Between you and me, sir, I would’ve been just as happy to have had her amputated and kept the foot. I had a little spot reserved on the mantelpiece, but there we are, we have to take things as we find them.”

Во втором переводе переводчик блестяще справляется с задачей, и мы видим следующее:

— Да, Билл, как видишь, я жив, здоров и убитан. Как поживает миссис Робертс? Ее так и беспокоит нога?

— Нет, ногу уже ампутировали. Спасибо, что спросили, сэр. **Но между нами, по мне, так лучше, если б ампутировали миссис Робертс, а ногу оставили.** Стояла бы себе на камине. Но что уж тут поделаешь...

В первом переводе, к сожалению, переводчик упустил лексему «her», которая маркирует женский род, тем самым, на первый взгляд, лишая отрывок в тексте перевода юмористического эффекта.

— Да, Билл, все уже позади. Как видишь, я жив и здоров. А как миссис Робертс? Ее все еще беспокоит нога?

— Нет, с тех пор, как ее отняли. Спасибо, сэр, за внимание. Но между нами, я не возражал бы, если бы, ампутировав, ее все же оставили нам. Я даже приберег для нее местечко на каминной доске. Но что поделаешь, нельзя так нельзя.

Но рассмотрев получившийся перевод с когнитивной точки зрения, мы понимаем, что наблюдается замена скриптов, теперь они сосуществуют в контексте [следует хранить (на каминной полке) то, что дорого сердцу], а сталкиваются, как ([ампутированная нога]/[фотографии, милые безделушки]), что в целом, принимая во внимание склонность автора текста оригинала к юмору абсурдному, вписывается в общую картину произведения, поэтому юмористический эффект в отрывке присутствует, хотя, конечно, остается ряд вопросов лингвистического и эстетического характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование предложенной системы, во-первых, позволяет более разнопланово подойти к описанию переводческой механики (translation process studies), что является одной из первоочередных практических задач [24. С. 262]. Во-вторых, можно сделать определенные выводы о стратегии, так как существует большое их разнообразие: например, Т.А. Казакова высказывает мысль о том, что есть «a variety of strategies required for translation of different kinds of literary texts to provide the appropriate informational impact on the reader» [25. С. 2845]. Так, например, применительно к конкретному материалу можно, на наш взгляд, говорить

о том, что первый переводчик в отрывках текста с юмористическим эффектом стремился не отходить от текста оригинала, а для второго (в данных отрывках) характерна краткость изложения, что делает юмористический эффект более выраженным. Помимо этого, мы можем более полноценно описывать качественные характеристики отрывков с юмористическим эффектом, что позволяет вывести оценку перевода на несколько иной уровень, а также описать переводческие неудачи с более объективного ракурса.

© Абаева Е.С.

Дата поступления: 26.09.2017

Дата приема в печать: 26.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2017.
2. *Hoey M., Houghton D.* Contrastive analysis and translation // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / ed. by Baker M., Taylor and Francis e-Library, 2005, P. 45—49.
3. *Реформатский А.А.* О сопоставительном методе / *Лингвистика и поэтика*. М., 1987. С. 40—52.
4. *Chiaro D.* Translation, Humour and Literature. Translation and Humour. Vol. 1. London: Bloomsbury Academic, 2012.
5. *De Rosa G.L., Bianchi F., Laurentiis A. de, Perego E.* (eds.) *Translating Humour in Audiovisual Texts*. Bern: Peter Lang, 2014.
6. *Vandaele J.* Humor in translation // *Handbook of translation studies*. 2010. Vol. 1. 147—152.
7. *Мельников Г.П.* Системный подход в лингвистике // *Системные исследования*. Ежегодник 1972. М.: Наука, 1973. С. 183—204.
8. *Brône G., Feyaerts K., Veale T.* (eds.) *Cognitive Linguistics and Humour*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
9. *Злобин А.Н.* Перевод в когнитивном формате знания: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012.
10. *Attardo S.* Linguistic theories of humor. Berlin; New York; Walter de Gruyter, 1994.
11. *Attardo S.* Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. New York; Mouton de Gruyter, 2001.
12. *Dynel M.* Developments in Linguistic Humour Theory. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
13. *Raskin V.* Semantic mechanisms of humour. Dordrecht/Boston/Lancaster: D. Reidel Publishing Company, 1985.
14. *Minsky M.* A framework for representing knowledge // *Frame conception and text understanding*. Vol. 5. Berlin, New York: Gruyter, 1980.
15. *Nida E.A.* *Toward a Science of Translating*. Leiden, 1964.
16. *Seguinot C.* Accounting for variability in translation // *Cognitive processes in translation and interpreting* / editors, Joseph H. Danks...[et al.]. Sage Publications, 1997. P. 104—119.
17. *Модестов В.С.* Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2006.
18. *Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. С.10—20.
19. *Baker M.* *In Other Words. A coursebook on translation*. London & New York: Routledge, 2011.
20. *Робинсон Д.* Как стать переводчиком. Введение в теорию и практику перевода / пер. с англ. М.: Валент, 2014.
21. *Денисенко В.Н.* Моделирование системы языка // *Системный взгляд как основа филологической мысли*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 37—171.

22. Абаева Е.С. Единицы перевода при работе с юмористическим эффектом // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 106. 2017. № 6 (402). С. 5—11.
23. Абаева Е.С. Особенности перевода отрывков с юмористическим эффектом, построенных на столкновении скриптов [одушевленное]/[неодушевленное] // Вестник МГПУ. Серия Теория языка. 2017. № 2. С. 72—80.
24. House J. Translation quality assessment: Past and Present // Translation: a multidisciplinary approach. Palgrave Macmillan, 2014.
25. Kazakova T.A. Strategies of Literary Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2015. № 12. Vol. 8. P. 2842—2847. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-12-2842-2847.

УДК: 81'255.4:82-7

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364

TRANSLATION OF THE EXTRACTS WITH HUMOROUS EFFECT: CONTRASTIVE ANALYSIS

Evgeniya S. Abaeva

Moscow City University

2-nd Sel'skhozjajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226

Abstract. The article deals with the idea of changing general system how to decompose the extracts with humorous effect when carrying out the contrastive analysis of the original text and its translation. The previously used system of translation techniques based on a language structure doesn't always have a positive effect on the results of the contrastive analysis of these texts.

The author suggests using General theory of verbal humour (GTVH), created by S. Attardo semantic theory of humour (V. Raskin). The essential parameter is script opposition. The paper having one source text and two target texts as the material shows the advantages of the theory to find out differences and similarities in the system «original text/ translation», as well as in the system «translation 1 / translation 2».

The author believes that changing the perspective for contrastive analysis with the help of the new system applied we can describe the translation procedure in more details, as well as demonstrate his/her strategy and explain the variability in linguistic means usage. Moreover, the new approach helps us explain some possible translation failures more objectively and carry out the contrastive analysis of two variants of translation of one source text, if necessary.

The observations and conclusions, presented as the results in the paper, could be important for the development of humour translation theory in general and for practice in the sphere of literary translation in particular.

Key words: translation, humorous effect, contrastive analysis, literary translation, Attardo, general theory of verbal humour, translation quality assessment

REFERENCES

1. Komissarov, V.N. (2017). *Modern Translation Studies*. M.: R. Valent. (In Russ.).
2. Hoey, M., Houghton, D. (2005). Contrastive analysis and translation. In: *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Taylor and Francis e-Library, 45—49.
3. Reformatskij, A.A. (1987). Contrastive analysis. In: *Linguistics and poetics*. Moscow. (In Russ.).
4. Chiaro, D. (2012). Translation, Humour and Literature. Translation and Humour. Vol. 1. London: Bloomsbury Academic.

5. De Rosa, G.L., Bianchi, F., Laurentiis, A. de, Perego, E. (2014). *Translating Humour in Audio-visual Texts*. Bern: Peter Lang.
6. Vandaele, J. (2010). Humor in translation. In: *Handbook of translation studies*. Vol. 1, 147—152.
7. Mel'nikov, G.P. (1973). Systematic approach in linguistics. In: *System studies. Annual 1972*. Moscow: Nauka publ., 183—204. (In Russ.).
8. Brône, G., Feyaerts, K., Veale, T. (2015). *Cognitive Linguistics and Humour*. Berlin: Mouton de Gruyter.
9. Zlobin, A.N. (2012). *Translation in the frame of cognitive knowledge: monograph*. Saransk: Mordovia State University Publ.
10. Attardo, S. (1994). *Linguistic theories of humor*. Berlin; New York; Walter de Gruyter.
11. Attardo, S. (2001). *Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis*. New York; Mouton de Gruyter.
12. Dynel, M. (2013). *Developments in Linguistic Humour Theory*. Amsterdam: John Benjamins.
13. Raskin, V. (1985). *Semantic mechanisms of humour*. Dordrecht/Boston/Lancaster: D. Reidel Publishing Company.
14. Minsky, M. (1980). A framework for representing knowledge. In: *Frame conception and text understanding*. Vol. 5. Berlin, New York: Gruyter.
15. Nida, E.A. (1964). *Toward a Science of Translating*, Leiden.
16. Seguinot, C. (1997). Accounting for variability in translation. In: *Cognitive processes in translation and interpreting*. Sage Publications, 104—119.
17. Modestov V.S. (2006). *Literary translation: history, theory, practice*. M.: 'Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing' Publ. (In Russ.).
18. Boldyrev, N.N. (2016). Cognitive schemas of linguistic interpretation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 10—20. (In Russ.).
19. Baker, M. (2011). *In Other Words. A coursebook on translation*. London & New York: Routledge.
20. Robinson, D. (2014). *Becoming a translator. Theory and practice of translation*. M.: Valent. (In Russ.).
21. Denisenko, V.N. (2016). Language system modelling. In: *The Systematic Approach as the Basis of Philology*. M.: Publishing house YaSK. 37—171. (In Russ.)
22. Abaeva, E.S. (2017). Translation units when working with humorous effect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6(402). Philology Sciences. Iss. 106, 5—11. (In Russ.).
23. Abaeva, E.S. (2017). Translation the extracts with humorous effect created on the basis of script opposition [animate]/[inanimate]. *Vestnik MCU. Series: Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2, 72—80. (In Russ.).
24. House, J. (2014). Translation quality assessment: Past and Present. In: *Translation: a multi-disciplinary approach*. Palgrave Macmillan.
25. Kazakova, T.A. (2015). Strategies of Literary Translation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8(12), 2842—2847. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-12-2842-2847.

Для цитирования:

Абаева Е.С. Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом: сопоставительный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 351—364. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364.

For citation:

Abaeva, E.S. (2018). Translation of the extracts with humorous effect: contrastive analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 351—364. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364.

Evgeniya S. Abaeva, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 351—364. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364.

Сведения об авторе:

Абаева Евгения Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета; *научные интересы*: перевод и переводоведение, когнитивистика, семантика; *e-mail*: abaevae@bk.ru
eLibrary SPIN-код 3872-0718

Bio Note:

Abaeva Evgeniya Sergeevna, Candidate of Philology, docent, associate professor at the English Studies and Cross-cultural Communication Department, at Moscow City University; *scientific interests*: translation studies, cognitive linguistics, semantics; *e-mail*: abaevae@bk.ru
eLibrary SPIN-код 3872-0718